

Н.Н. КАЗАНСКИЙ,
Н.Л. СУХАЧЕВ
Санкт-Петербург

Антуан Мейе в истории лингвистических идей (К 150-летию со дня рождения)

В статье кратко характеризуется вклад А. Мейе (11.11.1866—21.09.1936) в обновление идей и развитие методов сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Намечены некоторые отличия «школы Мейе» от предшествующих направлений в компаративистике, а также расхождения ее основоположника с общелингвистическими взглядами Ф. де Соссюра.

Ключевые слова: история языкознания; французское языкознание; А. Мейе; Ф. де Соссюр; история языка; сравнительная грамматика; общая лингвистика.

Антуан Мейе — один из самых блестящих и влиятельных языковедов первой трети XX в. Л.В. Щерба, слушавший его лекции в 1907—1908 гг., обобщил впечатление о характерном для него «исследовательском процессе» следующим образом:

Описывая генезис какой-либо формы, Мейе всегда исходил из констатирования семантической потребности в данной форме; далее он анализировал наличные возможности удовлетворения этой потребности и, так сказать, а priori выводил объясняемую форму как абсолютно необходимую. <...> Такое реальное представление всех взаимодействующих лингвистических факторов в определенный момент времени исторического развития того или другого языка требует совершенно исключительной способности их видеть [Щерба 1974: 408]¹.

После учебы в родном Шатомейане и Клермон-Ферране Мейе поступает

¹ Статья «Памяти А. Мейе» (ок. 1936) предназначалась Л.В. Щербой для «Известий Академии наук»; сохранилась в его фонде в СПбФ РАН, впервые опубликована в «Вопросах языкознания» (1966. — № 3).

Казанский Николай Николаевич, доктор филол. наук, академик РАН, директор ИЛИ РАН.

E-mail: nkazansky@iling.spb.ru

Сухачев Николай Леонидович, кандидат филол. наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН.

E-mail: nsuh@inbox.ru

в 1885 г. в Сорбонну. Он посещает также в «Коллеж де Франс» лекции М. Бреая, небезызвестного русским читателям², и в «Эколь пратик...» — Ф. де Соссюра (с 1887 г.). Сохранилась переписка А. Мейе и Ф. де Соссюра (с 1894 по 1911 г.), см.: [Benveniste 1964]. Получив в 1889 г. высший балл на экзамене по грамматике (что давало право на агрегацию, необходимую для работы в средней и высшей школе), Мейе становится преподавателем сравнительной грамматики в «Эколь пратик...», а в 1891 г. возглавляет курсы, которыми ранее руководил Соссюр. Официально А. Мейе становится «directeur des études en titre»; в 1927 г. эти обязанности унаследует его ученик Э. Бенвенист.

Вакансию, освободившуюся в связи с возвращением Соссюра в Женеву в 1889 г., должен был занять Л. Дюво, один из слушателей его парижских лекций. Но Г. Парис направил письмо руководству в защиту Мейе:

² В кабинете Каренина «сделанный знаменитым художником портрет Анны» висел над креслом, «у которого была приготовлена лампа и начатая французская книга о евгубических надписях» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, ч. III, гл. XIV). Это была замечательная книга М. Бреая, в которой впервые к текстам на умбском (одном из древних италийских языков) был применен сравнительно-исторический метод [Bréal 1875]. Бронзовые таблицы были открыты еще в 1444 г. в итальянском городе Губбио (лат. Iguvium).

Этот юноша, по словам Сосюра, Бреалья, Дармстетера, наблюдавших его в течение трех лет, обладает очень оригинальным и острым умом, возможно, гениальным, и впрямь было бы жаль не открыть перед ним единственную достойную для него дорогу, на которой он мог бы послужить науке всем тем, что она вправе от него ожидать [Bergounioux 1997: 23].

В 1890 г. А. Мейе предпринимает поездку на Кавказ для изучения армянского языка. Своей кузине Берте Еспобен он сообщает (письмо от 25 мая 1891 г., Тифлис):

Мои успехи в армянском продвигаются медленно, очень медленно. Поразительно, насколько я неспособен к практическому освоению языков <...> счастье, что я лингвист и не нуждаюсь в принужденном владении языком, что нужно переводчику... [Meillet 1987: 66].

После смерти А. Дармстетера в 1894 г. Мейе доверяют место профессора авестийского языка. В 1897 г. он защищает диссертацию о функционировании генети-ва-аккузатива в старославянском языке [Meillet 1897] и занимает кафедру армянского языка в Школе живых восточных языков (с 1902 г.), а в 1906 г. сменяет М. Бреалья на кафедре сравнительного языкознания в «Коллеж де Франс», где работает до 1932 г. Вступительную лекцию к своему курсу лекций (13 февраля 1906 г.) Мейе предварил словами:

Молодая школа французской лингвистики, которую объединяет братская дружба, по решению научного сообщества выдвинула лишь одного из своих участников. Тот, кто стоит сегодня на этой кафедре, тем самым является как бы избранником своих коллег, бывших учителей, своих товарищей и представляет их; одна из основных его задач в том, чтобы координировать усилия французских лингвистов и содействовать выходу в свет их исследований [Antoine Meillet... 1988: 5].

Один за другим появляются труды А. Мейе по самым разнообразным проблемам языкознания: старославянская этимология и лексикология [Meillet 1902–1904. – Vol. 1–2]; сравнительная грамматика классического армянского языка [Meillet 1903a]; введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Meillet 1903b]; инновации в латинском склонении [Meillet 1906]; введение в древнеармянский язык [Meillet 1913a]; история древнегреческого языка [Meillet 1913b]; древнеперсидская грамматика (Meillet 1915); особенности языков германской группы [Meillet 1917];

общеславянский язык [Meillet 1924]; лекции о сравнительно-историческом методе [Meillet 1925]; история латинского языка [Meillet 1928] и др. Ряд фундаментальных изданий подготовлен Мейе в соавторстве: сравнительная грамматика латинского и древнегреческого языков [Meillet, Vendryes 1925]; латинский этимологический словарь [Meillet, Ernout 1932]³; основательный труд «Языки мира» [Les langues... 1924]. Кроме того, Мейе был организатором Института славяноведения (основан в 1921 г.) и редактором «Revue des études slaves» (RES), а в качестве неперменного секретаря Парижского лингвистического общества (с 1890 г.) он редактировал также «Bulletin de la Société de linguistique de Paris» (BSL). (В годы Первой мировой войны ему приходилось готовить номер целиком.) Составленная Э. Бенвенистом библиография публикаций А. Мейе охватывает 24 монографии и 540 статей и заметок (см.: [BSL. – 1937. – Т. 38]). К этому времени А. Мейе располагал неограниченным влиянием и был «бдительным стражем исторической грамматики на грани авторитаризма <...> и догматизма, который вел к пренебрежению вкладом фонологии и некоторыми чуждыми ему по духу грамматиками» [Bergounioux 1997: 23]. Мейе занимал четкую позицию по всем вопросам, которые обсуждались в его время. А в области исторического языкознания «нет такого направления, формированию которого Мейе не содействовал бы, которое он не инспирировал бы, не поощрял бы или не предсказал» [Antoine Meillet... 1988: 339]. Яркий представитель второго поколения французских компаративистов (после поколения М. Бреалья), Мейе оказал огромное влияние на обновление ее методологии.

В понимании европейской культуры Мейе оставался европоцентристом и особое внимание уделял классическим языкам, осуществляя синтез традиционных историко-филологических подходов с новой сравнительно-исторической методологией:

³ Л.В. Щерба особенно ценил этот труд и подчеркивал: «С этим словарем окончательно рушится противополжение между этимологическим и историческими словарями – недаром авторы прибавили в подзаголовке “Histoire des mots”» [Щерба 1974: 410].

Каждая из национальных демократий должна чувствовать, что она является частью человечества, чье единение с каждым днем становится все более очевидным, и которое все более принадлежит одной цивилизации — наследнице греко-римской культуры, и каждая нация должна предпринять все необходимое для понимания со всеми другими [Meillet 1918: 287].

Деятельность А. Мейе способствовала международному признанию французской лингвистики. Мейе был избран членом Берлинской академии и многих других научных сообществ, в том числе членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук (1906) и парижской Академии надписей (1924). В 1928 г. А. Мейе выступил с инициативой созыва I Международного лингвистического конгресса (Гаага).

Сравнительно-исторический метод, изящный и увлекательный у М. Бреала, стал отточенным и принял классическую форму анализа в трудах Мейе, который стремился к предельной точности интерпретации и достоверности рассматриваемого языкового материала. Именно надежная интерпретация материала составляла основу лингвистического исследования, в частности при поиске Мейе языковых универсалий (см. двухтомник его статей «Историческая лингвистика и общая лингвистика» [Meillet 1921–1936. — Т. 1–2]⁴). Такое восприятие знаменовало и отход от *позитивистской* трактовки «вещности» словесных знаков, во многом обусловленной «психологически», — в частности в трудах по «лингвистической палеонтологии», интенсивно развивавшейся представителями германской компаративистики, основными конкурентами «парижан». Проблема «прародины», например, чьи поиски опирались на «индоевропейские древности» — на реалии, следующие из реконструируемого

индоевропейского лексикона, мало привлекала А. Мейе. Важнее для него было определить «общие законы, действенные не только для одного единственного момента развития некоего языка, а законы на все времена, которые не ограничены лишь одним языком, но охватывают все языки» [Meillet 1921: I, 11].

Мейе расходится с взглядами, изложенными в «Курсе...» Ф. де Соссюра, для которого «все, что относится к общей грамматике», т. е. к *общелингвистическим закономерностям*, относится к синхронической лингвистике [Соссюр 1977: 133]. Соссюр мог бы согласиться с утверждением: «Сравнительная грамматика не бросает ни малейшего света на первые ступени языка» [Мейе 1938: 81]. Мейе же не мог принять отрицания «возможности “исторической грамматики”» (Соссюр отождествлял ее с «диахронической лингвистикой» [Соссюр 1977: 167]). При этом А. Мейе, определяя индоевропейский язык как совокупность «соответствий между различными индоевропейскими языками» [Там же], не противоречит положению «Курса...», что *диахроническая лингвистика* «должна изучать отношения (выделено нами. — Н. К., Н. С.), следующие друг за другом в пространстве» [Там же: 132]. Правда, примыкающее к этому уточнение: «и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, то есть элементы <...> не образующие в своей совокупности системы» [Там же], отнюдь не соответствует интенции Мейе, хотя он осознает, как и Соссюр, пусть и в иных терминах, различие между *диахронической проспективной* и *ретроспективной*: «Возможна *историческая грамматика* (здесь и далее выделено нами. — Н. К., Н. С.) последовательных форм *письменного языка* — скажем, французского с XI в.; но в отношении устных языков возможна, лишь *сравнительная грамматика*» [Мейе 1938: 80].

Можно согласиться с высказыванием В.М. Алпатова о том, что «в наибольшей степени» А. Мейе расходился с младограмматиками по вопросу о соотношении индивидуального и социального в языке (см.: [Алпатов 2012: 147]). И по тому же вопросу он расходился с автором «Курса общей лингвистики», соотносившим речевую деятельность (язык вообще, *langage*) скорее с индивидуальным сознанием; конкретные же

⁴ Двухтомник «разнороден по содержанию и в значительной мере имеет программный характер. В предисловии к первому изданию этой книги автор отмечает, что “еще предстоит большая работа по упорядочению языковых фактов с точки зрения самого языка”. Это предисловие было написано после выхода в свет в 1916 г. в Женеве Курса общей лингвистики Ф. де Соссюра, в котором, по мнению его бывшего ученика, содержится лишь указания, каким образом можно начать эту работу по упорядочиванию» [Ору 2000: 25].

языки (в устной или письменной форме) Соссюр рассматривал «как принадлежащие определенному народу», с «почти этнографической стороны» (см.: [Benveniste 1964: 31]), как преимущественно социальные образования.

«Поиск общих законов», объявленный «одной из главных целей языкознания» привел А. Мейе к формулированию нескольких правил, которые продолжают соблюдаться в современной компаративистике. Назовем их.

- Сравнение материала *трех независимых языковых традиций* гарантирует древность сохранившегося явления и правомерность его отнесения к праязыку.

- Умение увидеть *систему в архаичных периферийных явлениях нескольких языков* и использовать их в качестве доказательного материала при реконструкции. К таким явлениям Мейе относил гетероклитическое склонение (лат. *iesur, iecinoris* (<**iecinis*), греч., *ἴππῆρ*, санскр. *yākrt, yaknah*, где в сильных падежах выступает *-r-*, а в слабых *-n-*). Еще при жизни Мейе был расшифрован хеттский язык, сохранивший продуктивность этого явления, маргинального во всех других индоевропейских традициях.

- Положение, что *носители языков не составляли единой в социальном и культурном отношении общности*, из чего следовало деление языков и фольклорных традиций на аристократические (древнеиндийский, древнегреческий) и те традиции, в которых доминировало крестьянство (латынь, балтийские и славянские языки). Это положение критиковалось чрезвычайно активно, но именно оно позволяет понять, что носители праязыков не мигрировали в полном социальном составе, а различия между крестьянской по преимуществу латинской культурой, в которой долгое время не было героических песен, и древним эпосом других традиций действительно значительны.

- Констатация *большого значения данных языков, зафиксированных до Новой эры*, для реконструкции общиндоевропейских изоглосс, так как языковые изменения более позднего времени способны затемнять первоначальную картину. Не важно, насколько внешне похожи результаты развития форм конкретного языка на сходные формы других языков, важно,

что они представляют собой закономерное фонетическое развитие. Мейе блестяще проиллюстрировал это, сформулировав закон, по которому для армянского он восстановил развитие **dwo- > erk*.

- Опора на *словообразование* при обращении к истории каждого данного языка как критерия для понимания происхождения слов.

- Выделение *этимологий, имеющих историческую значимость* из множества других, являющихся лишь в большей или меньшей мере допустимыми. (В связи с этим Л.В. Щерба обратил внимание на отношении Мейе к Н.Я. Марру: «...он всегда, еще с начала 1900-х годов, находил его этимологии “*inquiétantes*”, как он говорил. Они действительно должны были его беспокоить, так как шли вразрез с проводившимся им отбором этимологий» [Щерба 1974: 410].)

- При сравнении языков Мейе придавал важное значение *общим инновациям*, в частности, сопоставляя употребление кратких и полных прилагательных в славянских и балтийских языках как общее наследие, что отстаивается и в современных исследованиях (см.: [Petit 2009]).

- Отрицание возможности *реконструкции праиндоевропейского языка в качестве исторической реальности*, поскольку в сопоставлениях языков Мейе видел скорее идеальную матрицу, позволяющую наглядно демонстрировать отношения между языковыми традициями, но не воссоздавать исходный праязык со всеми правилами употребления слов и грамматических форм. Именно к такому пониманию живого языка мэтр французского языкознания был предельно чуток.

И нельзя не согласиться с выводом Л.В. Щербы, считавшего «главным делом жизни Мейе возврат сравнительной грамматики к филологии (выделено нами. — Н. К., Н. С.), из которой она и произошла, заполнение той пропасти, которая была вырыта между ними в XIX столетии» [Щерба 1974: 409]. Правомерность своих наблюдений Щерба подкрепляет признанием самого Мейе: «...как-то раз в беседе со мной он сказал, что своей жизненной задачей он считает сохранение всех накопленных в лингвистике

достижений при переходе ее на новые рельсы» [Там же: 412].

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2012.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.; Л., 1938 (ориг.: [Meillet 1903]).

Мейе А. Общеславянский язык / Пер. с 2-го фр. изд., просмотренного и дополн. в сотрудничестве с А. Вайаном. – М., 1951 (ориг.: [Meillet 1924]).

Мейе А. Основные особенности германской группы языков. – М., 1952 (ориг.: [Meillet 1917]).

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954 (ориг.: [Meillet 1925]).

Ору С. Понятие общего языкознания // Ору С. История. Эпистемология. Язык / Сост. С. Ору. – М.: 2000. (см.: [Antoine Meillet...]).

Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Antoine Meillet et la linguistique de son temps // Histoire. Épistémologie. Language (Paris). – 1988. – Т. 10. – Fasc. 2.

Benveniste E. Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet // Cahiers de Ferdinand de Saussure. – 1964. – Т. 21.

Bergounioux G. La Société de linguistique de Paris (1876–1914) // BSL. – 1997. – Т. 92. – Fasc. 1.

Bréal M. Les tables Eugubines. Texte, traduction et commentaire avec une grammaire et une introduction historique. – Paris, 1875.

Bulletin de la Société de linguistique de Paris [BSL].

Les langues du monde par un groupe de linguistes / Sous la dir. de A. Meillet et M. Cohen. – Paris: Champion, 1924.

Meillet A. Recherches sur l'emploi de l'accusatif-génitif en vieux slave. – Paris, 1897.

Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire de vieux slave. – Paris, 1902–1904. – Vol. 1–2.

Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. – Vienne, 1903 (a).

Meillet A. L'Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. – P., 1903 (b) (см.: [Мейе 1937]).

Meillet A. De quelques innovations de la déclinaison latine. – Paris, 1906.

Meillet A. Altarmenisches Elementarbuch. – Heidelberg, 1913. (a)

Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. – Paris, 1913 (b).

Meillet A. Grammaire de vieux perse. – Paris, 1915.

Meillet A. Les caractères généraux des langues germaniques. – Paris, 1917 (см.: [Мейе 1952]).

Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. – Paris, 1921–1936. – Т. 1–2.

Meillet A. Le slave commun. – Paris, 1924 (см.: [Мейе 1951]).

Meillet A. La méthode comparative de la linguistique historique. – Oslo, 1925 (см.: [Мейе 1954]).

Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. – Paris, 1928.

Meillet A., Vendryes J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. – Paris, 1925.

Meillet A., Ernout A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. – Paris, 1932.

Meillet A. Lettres de Tiflis et d'Arménie / Présentées, annotées et publiées par Martiros Minassian. – Vienne, 1987.

Petit D. La préhistoire des adjectifs déterminés du baltique et du slave // BSL. – 2009. – Т. 103/1.

Revue des études slaves [RES].